

УДК 82-34:81'42

**КАТЕГОРИЯ ЧИТАТЕЛЯ: «БЫЛИ И НЕБЫЛИЦЫ»
РУССКОЙ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II
И ТРАДИЦИЯ ЛОРЕНСА СТЕРНА**

В.А. Семёнов

Тверской государственной университет, Тверь

Статья посвящена проблеме читателя в заметках Екатерины II «Были и небылицы».

Ключевые слова: *Екатерина II, Стерн, Были и небылицы, читатель, экспликация, гендерный аспект.*

Теоретическая проблема читателя как адресата литературной коммуникации в настоящее время приобретает всё большее значение. Это связано с резко возрастающим объёмом коммуникации в техногенном обществе начала третьего тысячелетия. Данная статья посвящена выявлению национальной особенности этого вида коммуникации. На обсуждение выносятся идея своеобразия взаимоотношений «автор-читатель» в русской литературе конца XVIII в., где берёт свои истоки русская художественность нового времени. Можно предположить, что основным видом коммуникации русской литературы от её истоков был эксплицитный читатель, образ которого сложился под влиянием вошедшего в моду эпохи романа английского писателя Лоренса Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» (1759–1767). Данная проблема не исследовалась в русской критике, за исключением единственной статьи В.И. Маслова [4].

Одним из первых авторов, который способствовал формированию образа эксплицитного читателя в русской литературе, была императрица Екатерина II. Её литературное творчество широко и разнообразно, однако для исследования данной проблемы наибольший интерес представляют «Были и небылицы». Заметки написаны в 1783 г. «Путешествие из Петербурга в Москву», созданное Радищевым под прямым влиянием прозы Стерна, появилось спустя семь лет, в 1790 г. Екатерина II, немецких кровей, урождённая София Августа Фредерика Анхальт-Цербст-Дорнбургская говорила по-русски с заметным акцентом. В окружение императрицы входили блестяще образованные люди с грамотной русской речью. Возможно, поэтому она принялась за литературное творчество, желая проявить себя как человека, мыслящего и свободно пишущего на русском языке.

Текст написан от лица молодого человека и выдержан в манере шутиливой болтовни. Издание «Былей и небылиц» было прекращено по

инициативе автора (сохранились черновики продолжения) в связи с конфликтом Екатерины II и издательницы журнала, Дашковой.

Помимо обращений к читателю, «Были и небылицы» имеют две особенности. Первая – это смена пола у автора и у рассказчика. Гендерная «маска» понадобилась, чтобы скрыть авторство и отчасти перенести ответственность за литературные недостатки на фиктивного автора. Второй особенностью «Былей и небылиц» является хаотичность композиции. Автор выполняет установку героя-рассказчика: «... *весьма покойно, легко и забавно писать под заглавием «Были и Небылицы» всё, что в голову придёт»* [1: 58]. Заметно и подражание Стерну в нарочитой нелинейности повествования. Однако, если у Стерна это – сознательный приём (между автором и Тристрамом-рассказчиком ощутима культурная дистанция), то хаотичность повествования в «Былях и небылицах» имеет другую причину.

Предмет исследования – обращение рассказчика к категории читателя, эксплицированному в тексте [2: 474; 3: 1205–1206]. Этот приём восходит к романам Стерна. Не имеющий литературного опыта Тристрам-рассказчик, «не справляясь с романной формой», вынужден приостанавливать действие или забежать вперёд, чтобы сообщить читателю какую-либо важную, с его точки зрения, деталь, прямо или косвенно относящуюся к повествованию. Нередко это выражается в нагромождении подробностей, влияющих на читательское восприятие. Весь текст романа представляет собой один большой метатекст («роман о романе»), в котором отрывками, кусками пробивается повествование. Рассказчик может: а) двигаться вперёд: «... *в главе восемнадцатой вы пройдёте со мною, мадам, за занавеску... отсюда вы без труда составите себе представление, как они обсуждали все вопросы меньшей важности»* [5: 403]; б) обращаться назад: «*Но вернёмся к моей матери, мадам»* [цит. раб.: 344]; в) тормозить действие: «*Позвольте мне чуточку остановиться, чтобы наглядно изобразить вам капралово снаряжение...*» [цит. раб.: 418]).

Аналогичное построение находим в «Былях и небылицах». Рассказчик также отсылает читателя к последующим событиям:

«Есть у меня сосѣдь, который въ младенчествѣ слыль умницею, въ юношествѣ оказывалъ желаніе умничать; въ совершеннолѣтствіи каковъ? – увидите изъ слѣдующаго. Поутру вспомнить, что у васъ столъ хорошъ; отъ утра до обеда мучится нерешимостью: ехать ли, или не ехать къ вамъ? решится, къ обеду къ вамъ поедетъ, сядетъ съ вами за столъ; тутъ вдругъ нападаетъ на него воздержаніе отъ пищи...» [1: 34]; «NB. Сіе прибавлено мною, дабы читатель не имѣлъ труда искать его [дедушку] между живыми» [цит. раб.: 35]; «Изъ слѣдующаго письма читатель увидитъ, что есть человекъ, который сомнѣвается, чтобъ я имѣлъ прародителя» [цит. раб.: 56].

Иногда эти отсылки также выдают в рассказчике непрофессионального автора:

«Примечание. Дедушка (4) мой обыкновенно чрезвычайно остерь и умень, а иногда непонятно какъ недогадливъ. NB. Вышеписанное примечание не къ следующему приключенію относится» [цит. раб.: 36].

В романе Стерна эксплицитные читатели дифференцированы по гендерному признаку: есть *читатель, сэр, ваши преподобия*, и есть *мадам, читательницы*. Это позволило Тристраму-рассказчику, англичанину по происхождению, проявить галантность и немного кокетства в обращении с дамами. Его обращения насыщены полунамёками, «реверансами» и другими знаками обходительности.

В «Былях и небылицах» читатель не дифференцируется по гендерному признаку. Рассказчик обращается только к *читателю (читателям)*, но не к *читательнице*:

«Зналь я одну женщину, которая слыла разумною, ученою и благонаравною. Читатели сами опредѣлять, сколь справедливо она названія сіи *заслуживала*» [1: 40]; «Каково читать, до того (какъ всякъ разсудить можетъ) мне дѣла нѣтъ, но дѣло единственно читателя; пусть читаетъ, буде хочетъ, или не читаетъ, буде не хочетъ...» [1: 58]; «Примечание. Читатель, я чаю, знаетъ, что "Были и Небылицы" не растутъ на полѣ и что выгоны не ими засѣяны» [1: 60].

«Письмо» и «Ответ» на это письмо, являющиеся коммуникацией с эксплицитным образом читателя, представляют вариацию на тему диалога Тристрама с некоей «мадам», пропустившей главу:

«Как могли вы, мадам, быть настолько невнимательной, читая последнюю главу? Я вам сказал в ней, что моя мать не была паписткой. – Паписткой! Вы мне не говорили ничего подобного, сэр. – Мадам, позвольте мне повторить ещё раз, что я это сказал настолько ясно, насколько можно сказать такую вещь при помощи недвусмысленных слов. – В таком случае, сэр, я, вероятно, пропустила страницу. – Нет, мадам, – вы не пропустили ни одного слова. – Значит, я проспала, сэр. – Моё самолюбие, мадам, не может предоставить вам эту лазейку. – В таком случае, объявляю, что я ровно ничего не понимаю в этом деле. – Как раз это я и ставлю вам в вину и в наказание требую, чтобы вы сейчас же вернулись назад, то есть, дойдя до ближайшей точки, перечитали всю главу сызнова» [5: 70].

Однако, у Екатерины II этот приём представлен в более простой, эпистолярной форме, распространенной в XVIII в.:

«Господинъ писатель "Былей и Небылицъ"! Когда вы пишете, что дѣдушка говоритъ, тогда кажется, какъ будто вы чувствуете великое облегченіе. Неспорно, легче писать свои мысли въ третьемъ лицѣ; но позвольте напомнить, говоря съ вами между четырехъ глазъ, что частыя повторенія сего оборота показаться

могутъ читателю мѣнѣ забавны, нежели писателю; къ тому же никто не вѣрить, чтобы у васъ былъ дѣдушка» [1: 56].

Диалог из романа «Жизнь и мнения...», о котором шла речь выше, более сложен в поэтическом и эстетическом планах, поскольку представляет собой органично воплощенную в тексте коммуникацию двух субъектов: рассказчика и эксплицитного читателя, не входящих в систему персонажей романа (дядя Тоби, капрал Трим и другие), но находящихся в другой системе романа (на ином структурном, «метатекстовом» уровне) и из этой своей системы обсуждающих только что написанный Стерном под маской Тристрама и воспринимаемый реальным читателем текст (предыдущую главу).

В следующем примере текст, выделенный курсивом, являет собой приём, заимствованный у Лоренса Стерна: автор «Былей и небылиц» извещает читателя о придуманном заглавии в середине текста; Стерн помещает в середину текста посвящение [5: 319].

«"Были и Небылицы" писать я не подрядился, ни съ кѣмъ переторжки въ томъ не имѣлъ, и когда началъ писать, право не зналъ, что-то будутъ слыть "Были и Небылицы". Но вотъ какъ рѣдкое сіе твореніе свѣту извѣстно сдѣлалось: *написавъ нѣсколько страницъ, началъ я придумывать заглавіе, или, лучше сказать, какъ всякая вещь имѣетъ свое имя, то какъ назвать и новорожденное дитя. Тутъ, какъ молнія, выскочило изъ моего пера громкое названіе: "Были и Небылицы". Съ симъ вымысломъ я самъ себя не одиножды поздравлялъ, и могу увѣрить, что весьма покойно, легко и забавно писать подъ заглавіемъ "Были и Небылицы" все, что въ голову придетъ. Каково читать, до того (какъ всякъ разсудить можетъ) мнѣ дѣла нѣтъ, но дѣло единственно читателя; пусть читаетъ, буде хочетъ, или не читаетъ, буде не хочетъ, я ни о чемъ не спорю, а между тѣмъ "Собесѣдникъ" наполняется.*

Изъ вышеписаннаго ясно видно происхожденіе "Былей и Небылицъ"; но дабы яснѣе было, за благо разсудилъ я, а не кто иной, здѣсь приписать родословіе "Былей и Небылицъ"...» [1: 58].

Отрывочность мыслей обусловлена намерением автора «писать под заглавием «Были и небылицы» всё, что в голову придёт», что означает отсутствие плана произведения не только у рассказчика, но и у реального автора. Если рассказчик в «Былях и небылицах» напоминает Тристрама отсутствием опыта в написании произведений крупной формы, то Стерн, в отличие от Екатерины II, имел перед собой ясную художественную задачу. В случае с «Былями и небылицами» можно наблюдать не имитацию «беспорядочных» мыслей рассказчика, а приём якобы неумения их эстетически мотивировать. Имеются прямые заимствования в композиции текста в виде коротких глав («К «Былям и небылицам» примечания не маловажны»). Основные повествовательные техники, открытые английским писателем, воплощены в произведении, написанном Екатериной II. Приёмы Стерна воплотились в литератур-

ных опытах Екатерины в несколько упрощённом виде: рассказчик делает отсылки лишь к последующим событиям. Отсутствие в «Былях и небылицах» динамически развивающегося действия – в сравнении со Стерном, где есть обстоятельства рождения героя, ухаживания дяди Тоби за миссис Водмен, реконструкция дядей Тоби и капралом Тримом хода боевых действий, – ограничивает функциональность заимствованных у Стерна приёмов. Экспликация образа читателя служит для русской писательницы самоцелью. Однако, лишь невежда может посчитать «Были и небылицы» подражанием произведениям Лоренса Стерна. Оба автора создали уникальный образ наивного рассказчика: развивая мысль Стерна, который имитирует эту наивность, Екатерина использует её как особый приём. Как автор, она подметила и услышала неповторимость голоса английского писателя и – тонко и точно – отозвалась на его художественное открытие. В некотором роде Екатерина II открыла дорогу и проложила путь форме «свободного романа» как «свободного повествования», «далью» которого столь успешно воспользовался её младший современник Александр Пушкин.

Список литературы

1. Екатерина II. Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей. С объяснительными примечаниями академика А. Н. Пыпина: в 12 т. Т. 5. С.-Пб., 1903. 402 с.
2. Западное литературоведение XX века. Энциклопедия. М., 2004. 560 с.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. 1600 с.
4. Маслов В.И. Интерес к Стерну в русской литературе конца XVIII-го и нач. XIX-го вв. // Историко-литературный сборник. Л., 1924. С. 339–376.
5. Стерн Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. Письма. М.: Издательство АСТ, 2004. 835 с.

CATEGORY OF READER IN «FACTS AND FANCIES» BY CATHERINE II AND THE TRADITION OF LAWRENCE STERNE

V.A. Semyonov

Tver State University, Tver

The article is devoted to the reader problem in “Facts and Fancies” by Catherine II. Novels by Lawrence Sterne are used as the background.

Keywords: *Catherine the Great, Facts and Fancies, Lawrence Sterne, reader, gender.*

Об авторе:

СЕМЁНОВ Владислав Александрович – соискатель учёной степени кандидата филологических наук, кафедра теории литературы Тверского государственного университета, e-mail: wlad81.main @yahoo.com